

УДК 371

**ПЕДАГОГИКА Л.Н. ТОЛСТОГО:
учёный и исследование**
**К 120-летию со дня рождения профессора
В.А. Вейкшана**

Наталья Владимировна Кудрявая,
профессор, доктор педагогических наук, Москва

Профессор Владимир Александрович Вейкшан (1899–1965 гг.) в советское время был достаточно известен в кругах педагогической общественности нашей страны. Он работал в системе АПН СССР со времени её основания в 1943 г., преподавал в ведущих московских вузах, был прекрасным лектором, другом «Учительской газеты», много ездил по стране с лекциями по линии общества «Знание». Но, пожалуй, наиболее известен был своими исследованиями и книгами о педагогике Л.Н. Толстого. Сотрудничал с музеем Л.Н. Толстого и даже немного там работал, курировал Яснополянскую школу по линии АПН СССР. Об истории образования и вкладе учёного в исследование наследия выдающегося российского писателя и педагога.

• Л.Н. Толстой • В.А. Вейкшан • педагогика • исследование

**Творческий путь
профессора Вейкшана**

В начале 1920-х годов молодой Вейкшан, выпускник Витебского педагогического института, приехал в Москву для поступления в «Университет красной профессуры».

Обычно вспоминал, как с фанерным чемоданчиком стоял на выходе из здания Белорусского вокзала и здоровался с незнакомой Москвой. А за плечами — Витебский педагогический институт и организация демократических шествий молодёжи, плакаты и транспаранты

оформлены неизвестным ещё миру художником Марком Шагалом. Кстати, семья отца жила по соседству с семьёй М. Шагала. Поэтому мы имели представление о домах этого квартала, над которыми летали фигуры влюблённых по полотнам уже всемирно известного Шагала.

Университет красной профессуры в Москве дал очень многое отцу, он присутствовал на известных диспутах наркома просвещения А.В. Луначарского и протоиерея Введенского, познакомился с Н.К. Крупской и работал с ней в так называемом педагогическом обществе. Именно по совету Н.К. Крупской он уехал на заведование кафедрой педагогики в Горьковский педагогический институт, однако их переписка продолжилась. К большому сожалению, эти письма были изъяты во время ареста отца как якобы врага народа, в 1938 г. Мне было всего 3 года, но воспоминание детства, как яркая вспышка, запечатлело это событие. Я сижу на ковре в кабинете отца с корзиной игрушек, а передо мной высокие чёрные сапоги незнакомых людей, разбросаны книги, бумаги. Потом отца уводят, а мама говорит: «Папа уехал в командировку». В настоящее время семья через общество «Мемориал» старается разыскать письма Н.К. Крупской отцу. Знаю, что они начинались тёплым приветствием «Дорогой Владимир Александрович!». Возможно, они сыграли роль «оберега»: отца не пытали во время следствия. И когда в Горький приехало из Москвы следствие (вся горьковская партийная организация оказалась «врагами народа»), то отца освободили по формальным признакам: он не признал себя иностранным шпионом.

Второе яркое детское воспоминание этого времени связано уже с освобождением отца в 1940 г. После ареста отца из-за боязни за меня, т.к. детей репрессированных забирали в детские дома, моя тетя, Надежда Алексеевна Сперанская отвезла к своему свёкру, священнику Георгию Петровичу Сперанскому, чудом избежавшему расстрела или ссылки, в село Махра Владимирской области.

И вот счастливый отец, освобождённый и оправданный, в 1940 г. (конечно же, я этого не понимала), но я помню его счастливого, когда он бегом катал меня на санках по деревенской дороге и кричал: «Наталица, шамаханская царица». А я стеснялась, ведь меня дразнили «поповской внучкой».

Как подтвердила жизнь, для отца самым значимым явлением стала возможность заниматься педагогикой Л.Н. Толстого. Но в то же время эта тематика внесла трагический след в жизнь отца из-за невозможности раскрыть духовно-нравственные аспекты понимания личности в педагогике Л.Н. Толстого.

Но об этом я услышала от отца незадолго до его смерти. После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина, чувствуя ухудшение своего здоровья и невозможность продолжить исследование педагогики Толстого (в АПН СССР это было сделано намеренно, думаю, педагогика Толстого в какой-то мере мешала сторонникам так называемого деятельностного подхода), мой отец впервые решился на откровенный разговор со мной. Он сказал мне, что виноват перед Толстым (буквально помню эти слова), не смог раскрыть его взгляды на проблему духовности и нравственности и даже полностью привести текст статьи «О воспитании» в Педагогических сочинениях (изд. 1948, 1953 гг.) из-за требований цензуры. Статья «О воспитании» была написана в период создания религиозно-нравственного учения и, по сути, являлась духовным завещанием писателя отечественным педагогам и всем тем, кому была небезразлична судьба народного образования.

Я в те годы, начинающая учительница истории и обществоведения, не поняла всей глубины слов отца. Казалось, что он много сделал в толстоведении. Ещё подростком наблюдала, как отец вместе с секретарём Л.Н. Толстого Н.Н. Гусевым готовили к изданию педагогические

сочинения писателя (изд. 1947), как благоговейно совершалось это действие, выверялась каждая буква. В тяжёлые послевоенные годы мама «баловала» Н.Н. Гусева пирожками, а в моём сознании он почти превращался в самого Льва Николаевича. Могу упомянуть, что с именем Толстого отец меня познакомил в раннем детстве, когда читал рассказы из «Азбуки». Став взрослой, я поняла, что это были родительские «опыты» по пробуждению во мне совести, сострадания, любви, честности. Уже в студенческом возрасте я читала книги отца о педагогике Толстого, они были написаны живым хорошим языком (к тому времени отец, по отзывам знакомых педагогов, уже был одним из лучших лекторов по педагогике в Москве, а на его выступления на учёных советах специально приходили желающие насладиться его лекторским искусством, большим чувством юмора). Мне повезло присутствовать на торжественном юбилейном собрании в Колонном зале Дома Союзов в честь юбилея Л.Н. Толстого, на котором выступал мой отец, а председательствовал академик Гудзий.

Стоит признать, что в те годы я ещё не осознавала трагизма ситуации в толстоведении, когда весьма уважаемые и, вероятно, неглупые учёные выявляли «слабости мыслителя», «противоречия», искали ловушки, чтобы найти какие-то негативные моменты наряду с безусловной гениальностью Л.Н. Толстого. Поколение, к которому я относилась, было само воспитано на марксистской методологии, она в те годы казалась (вероятно, не всем) вершиной человеческого познания и отвергала всякие сомнения в верности иных взглядов, подходов.

В эти же годы произошёл ещё один интересный случай: отец получил «привет» из Америки от дочери Л.Н. Толстого — Александры Львовны Толстой.

«Владимир Александрович, Вам привет из Америки от Александры Львовны Толстой».

С такими словами подошла к моему отцу, профессору Владимиру Александровичу Вейкшану, женщина — член педагогической делегации из Америки во время посещения этой делегацией сектора Зарубежной педагогики

АПН СССР в 1957 г. Этот привет от так называемой «антисоветчицы» — дочери великого писателя, мыслителя, педагога, в советское время прозвучал как гром среди ясного неба. Надо напомнить, что встречи с педагогами из капиталистических стран проходили под пристальным присмотром органов госбезопасности. А на моём отце, хотя после двух лет репрессий в 1938–40 гг. он был реабилитирован, но, безусловно, лежал налёт якобы неблагонадёжности. Возможно, это и не так, но отца не выпускали в командировки в капиталистические страны, хотя он знал английский язык, что было нечастым в педагогической среде. Но привет был передан приватно, без свидетелей и, возможно, всколыхнул воспоминания о тёплых встречах с дочерью великого писателя в конце 1920-х годов перед эмиграцией Александры Львовны в Америку.

Он поделился со мной своими сложными чувствами, раскаянием, что вёл себя неестественно, скованно, лишь ограничившись благодарностью и ответным приветом. Из прошлых рассказов отца я знала, что он был в добрых отношениях с Александрой Львовной, знал, что она несколько раз находилась в заключении. После так называемой отсидки Александра Львовна получила мандат комиссара на управление Ясной Поляной из рук наркома просвещения А.В. Луначарского, который приезжал на открытие Яснополянской школы, построенной дочерью писателя в память об отце. Там же присутствовал и молодой В.А. Вейкшан, который был слушателем Университета красной профессуры и работал над диссертацией о педагогике Л.Н. Толстого.

Позднее, находясь в эмиграции в США и руководя организованным ею Толстовским фондом, Александра Львовна в нашей стране властями была объявлена антисоветчицей. Её связь с Родиной прервалась, но, возможно, она знала

о том, что В.А. Вейкшан продолжал заниматься педагогикой её отца и даже одно время курировал работу Яснополянской школы в рамках АПН СССР.

Дело учёного и его будущее

Так случилось, что я смогла продолжить дело отца. Последние 35 лет своей профессиональной деятельности мне посчастливилось заниматься педагогикой Л.Н. Толстого и соответствовать, возможно, самым потаённым мыслям отца. Создались условия, при которых я смогла исправить то, что отец не смог сделать в сталинское время. В 80-е годы XX столетия сильнейшим мотивационным фактором понимания не только ранней педагогики Толстого, но и его этического учения о жизни человека становилась сама действительность, которая была готова слышать голос Толстого.

Очень слабо и подспудно начался процесс влияния так называемой хрущёвской оттепели на гуманитарные науки. Мне посчастливилось слушать выступления В.В. Давыдова, читать статьи Э. Ильенкова, а позднее — работы В. Слободчикова и Б. Братуся. Открылись, зазвучали голоса русских философов Н.А. Бердяева и других. Наконец-то стали публиковаться работы западных психологов В. Франкла, К. Роджерса, Э. Фромма и др. Создавались возможности выхода из «сумерек просвещения». Появилась надежда понять действительный смысл педагогики Л.Н. Толстого на основании его собственной методологии, а не ленинской концепции Толстого.

После издания педагогических сочинений Л.Н. Толстого (1989), в котором я очень скромно проявила собственную сущность, опиралась на тексты комментариев и вступительной статьи отца, начался мой, уже самостоятельный «толстовский» путь открытия действительного Толстого — педагога, и мыслителя, путь сомнений, разгадок метафор, страдания и наслаждения, озарений, ре-

шения исторических казусов, привлечения Льва Николаевича к педагогической работе с врачами в медицинских вузах и многое другое. И мне для «поумнения» и понимания посчастливилось посвятить 35 лет своей профессиональной деятельности, наполненной благодаря Льву Николаевичу смыслом, творческой радостью, энергией.

Сначала я написала книгу «Лев Толстой о смысле жизни (Образ духовного и нравственного человека в педагогике Л.Н. Толстого)», М. 1993 г., затем защитила докторскую диссертацию на тему «Духовно-нравственные основы личности в педагогике Л.Н. Толстого», М. 1996 г.

Казалось бы, мне почти уже открылись самые сокровенные размышления отечественного гения. Но удалось ли мне понять главный замысел? Толстой собирался написать «о воспитании, чего никто не знает или с чем никто не согласен» (из письма А.А. Толстой 14 ноября 1865 г.). И это предстояло осмыслить, идя за самим Толстым, изучая философские трактаты последних 30 лет жизни, ещё раз оценить эти высказывания с учётом необходимости гуманизации всего научного знания в наши дни, необходимости изменений практик работы с человеком, утверждения гуманистической парадигмы образования. Оставались ли актуальными эти идеи Л.Н. Толстого, ведь он их высказывал 150 лет назад. А статьи журнала «Ясная Поляна» писались накануне и в период отмены крепостного права в России.

Помощь пришла, казалось бы, с необычной стороны — это моя практическая деятельность на факультете повышения квалификации преподавателей — врачей Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова. Идеи педагогики и этики Толстого оказались созвучны многим идеям работы руководимой мной кафедры педагогики и психологии. Лев Николаевич Толстой стал «соучастником и помощником» в создании практико-

ориентированной модели обучения, моделирования и решения так называемых деонтологических задач. Деонтология рассматривалась не только как наука о долге, но и как возможность перенесения сознания, сопереживания. И, наконец, именно специфика работы врачей-педагогов со студентами на практическом занятии помогла понять, как добиться «сознательного творчества», включить душевные силы и развивать духовные способности слушателей и студентов. Мы работали с некоей духовной высшей реальностью человека, антропогенным полем, в пространстве-времени которого действуют фундаментальные духовные потребности (понимание, уважение, сострадание, милосердие). Вот именно тогда и пришло более полное понимание, казалось бы, незатейливого рассказа Толстого о том, как он в Яснополянской школе учил детей писать маленькие художественные рассказы, применяя технику диалога. Как-то элегантно, ненароком Толстой показывал ограничения диалектики Гегеля. Он использовал триадную логику, обеспечивая этим личностный рост и преподавателя, и учащихся. (Более подробно см. главу «Мастер-класс Л.Н. Толстого: статья «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862)» в книге Н.В. Кудрявой «Лев Толстой — педагог. От народного учителя к учителю жизни». Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013 г.)

Умение организовать диалог, создать обстановку синергичного обучения и сознательного творчества, превратить обучение в духовный акт со-бытия учителя и учащихся — это высшее педагогическое умение и мечта каждого педагога. Происходит встреча «сознаний» (М. Бахтин), неожиданно открывается «зарождение таинственного цветка поэзии», подобно зарождению цветка папоротника, как писал Толстой. Но для этого преподаватель должен уметь организовать обучение в пространстве объёмно-системного синтеза (а не линейно-аналитического, что характерно для традиционного, формального обучения), когда и учитель, и ученик способны совершать то, что не под силу ни одному из них в отдельности. В медицинском вузе такая техника или технология совместного создания диагноза, или деонтологической задачи, оказалась эффективной.

В самом названии статьи Толстым заложена идея диалектического тождества учителя и учащихся, что приводит к рождению качественно нового образования — энергичного обучения, и личностному росту и студента, и преподавателя. Видимо, эти идеи создания обстановки соучастия, сострадания Толстой-педагог использовал на уроках «по вопросам морали» (1906–1907) в своём доме в Ясной Поляне с крестьянскими детьми.

Уже в достаточно преклонном возрасте он экспериментировал, проверял гениальные прозрения после Первой русской революции. Можно восхищаться его смелостью и по-хорошему завидовать.

Приём совместного написания сочинения неоднократно использовался Толстым в Яснополянской школе. Писатель был настолько увлечён работой с детьми, что иногда совершенно неожиданно найденный им приём «сознательного творчества» мог быть перенесён на новое содержание.

Статья «Кому у кого учиться писать...» — попытка Толстого рассказать о том, что обучение не может быть монологичным, все участники встречи проявляют свою индивидуальность, а смысл обучения заключается в высвечивании всех этико-эстетических сил участников процесса, когда возникает энергичная аура глубинного общения (онтообщения). Толстой оставил нам образец обучения как духовного акта со-бытия учителя и учащихся и возникновения энергетического диалога. Учитель и учащийся становятся диалектическим тождеством обучения, наполненного смыслом.

В рамках этического учения Толстой рассматривал духовное и душевное как хотя и непознаваемое «царство божие» внутри нас, но как особую психологическую реальность, с которой можно работать. Безусловно, это были попытки Толстого поставить в научный дискурс

так называемое непознаваемое, «божеское» в человеке, что до сих пор не осуществила психологическая наука. Не отрицая идею Бога и религии, Толстой пытался подсказать, что нельзя эти особенности человека не использовать во имя духовного роста, умения сотрудничать. Конечно же, церковь рассматривала это как покушение на монополию в этой области. Эти идеи оказались наиболее востребованы экзистенциальной психологией Запада, а в нашей стране активно работает ученик В. Франкла, профессор Ленгли, подготавливая новое поколение практических психологов, которые, вероятно, не подозревают о том, что у истоков их подхода стоял Л.Н. Толстой. Правда, Толстой не принял появившийся в начале XX века термин «экзистенциальная», посчитал его сложным русскому уху и предпочёл термин «педагогика, психология жизни». Название в данном случае сути не меняет. Вмешался так называемый исторический казус. Духовная цензура России, запрещая печатать великие философские трактаты Толстого, тем самым способствовала тому, что друг и соратник писателя В.Г. Чертков в Лондоне их издавал на иностранных языках. Это привело к широкому распространению идей Л.Н. Толстого в Америке и Европе среди читающей интеллигенции. Позднее среди таких людей нашлись те, кому они оказались созвучны. Так произошёл «исторический казус» с положительным знаком в пользу Л.Н. Толстого. А отечественные учёные преодолевали стереотипы традиционной психологии.

Заканчивая рассказ о том, как помог мне выполнить наказ отца Л.Н. Толстой, не могу не вспомнить ещё об одной судьбоносной встрече, имеющей отношение к Александре Львовне Толстой.

В 1996 году я познакомилась с человеком удивительного менталитета, обаяния, епископом Василием (Родзянко), внуком знаменитого председателя Государственной думы, семья которого после революции по известным причинам эмигрировала за границу. Ещё до принятия монашеского пострига и епис-

копского сана отец Владимир Родзянко хорошо знал семью Толстых. Его старшая сестра была замужем за внуком Льва Николаевича, он дружил с другим внуком — Владимиром Толстым, хорошо знал и третьего внука — доктора Сергея Михайловича, который лечил его в своё время в Париже. Конечно, самого Льва Николаевича отец Владимир в живых не застал, но близко узнал его семью в первую очередь через младшую дочь — Александру Львовну. Её он звал «дорогая тетя Саша». Кстати, её подругой стала мать отца Владимира, которая последние годы жизни провела на «Толстовской ферме».

С тетей Сашей отец Владимир беседовал весьма откровенно, и именно он исповедовал её перед кончиной. Александра Львовна осталась верна отцу до самой смерти, хотя и в корне переменяла свою жизнь — вернулась в Церковь, из которой вслед за отцом вышла. Как всем известно, Александра Львовна не допустила к умирающему отцу свою родную мать, не дав супругам возможности примириться. Так же как не допустила и оптинского старца Варсонофия, ожидавшего по поручению Святейшего Синода на станции Астапово, где в соседней комнате умирал Толстой. А ведь старец надеялся примирить писателя с Церковью хотя бы перед смертью.

Разумеется, о содержании исповеди отец Владимир ничего не говорил, но одобрил моё исследование педагогики Л.Н. Толстого. Он буквально сказал: «прекрасная педагогика».

Александра Львовна так и не смогла приехать в Ясную Поляну и школу, но она успела написать тёплые письма, а о ней сохраняются воспоминания и чувство благодарности коллектива школы.

Так случилось, что образ Александры Львовны Толстой возник в моём сознании, когда я находилась в Японии по приглашению ректора частного

университета Сёва Дзёси господина Хитоми Кусуо в апреле 2000 г. в составе небольшой делегации. Господин Хитоми страстный поклонник Л.Н. Толстого, продолжил дело своего отца. В течение длительного времени в 1990-е гг. на Международные педагогические чтения Тульского государственного университета имени Л.Н. Толстого ежегодно приезжала японская делегация. Дело в том, что отец господина Хитоми Кусуо, известный поэт, в начале XX века бывал в Ясной Поляне, воспринял смысл учения Толстого о жизни, что передалось его сыну, ставшему ректором университета Сёва Дзёси. Господин Хитоми стал приглашать так называемый актив исследователей творчества Толстого в Японию, среди которых оказалась и я. И, возможно, этому способствовал тот факт, что имя моего отца, профессора В.А. Вейкшана, было известно японским педагогам. Один из японских аспирантов моего отца опубликовал в Японии небольшую брошюру о педагогике Л.Н. Толстого, составленную на основе книги отца «Толстой об обучении и воспитании».

В торжественной обстановке на заседании педагогических чтений мне вручил её член японской делегации, а господин Хитоми Кусуо расспрашивал меня об отце, о том, почему я продолжила его дело. Видимо, просматривалась связь передачи идей Толстого от отцов к детям.

Но дух пребывания в Японии в 1929 г. Александры Львовны Толстой я почувствовала в так называемой коммуне, или социальной организации Иттоэн недалеко от города Киото. Её организовал в 1905 г. господин Тэнко Нисида, разделявший взгляды Толстого. Нам показали фильм о пребывании Александры Львовны; а её описание обстановки коммуны, окружающей природы, скромном, почти нищенском существовании её членов совпало с моим восприятием. Я поняла, что неслучайно нам посчастливилось побывать там. Японцам как очень чутким людям было приятно дать почувствовать нам присутствие дочери Толстого в прошлом, атмосферу бережного отношения к идеям её отца, следованию им в жизни.

Так закончились мои воспоминания об отце, который побудил меня к исследованию педагогического творчества Л.Н. Толстого, и хотелось бы сказать: и не ошибся. Но об этом судить читателям. А памяти отца я посвятила все мои основные работы, которые адресованы педагогам, учителям, их каждодневной работе. **НО**

The Pedagogy Of L.N. Tolstoy: A Scientist And Research For The 120th Anniversary Of Birthday Of Professor V.A. Vensan

Natalia V. Kudryavaya, Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract. *Study of the pedagogical heritage of Leo Tolstoy. The life story of VA Veikshan. Research and the legacy of the scientist.*

Keywords: *L.N. Tolstoy, V.A. Veikshan, pedagogy, research.*